

СРАЗУ БРОСИЛОСЬ в глаза на первой лекции: костюм-тройка с обязательной жилеткой, который тогда никто не носил, знаменавший в Либане собранность, подтянутость, строгость и старинность. Удивило и восхитило, что всех студентов-первокурсников он называл по имени-отчеству и, что ещё поразительнее, помнил эти имена студентов всего потока, которым в наш год читал курс "Древнерусская литература".

Николай Иванович Либан для нашего поколения (учившегося в начале 1980-х) в блестящей плеяде лекторов: Н.И. Толстой, М.В. Панов, Б.А. Успенский, А.А. Тахо-Годи — был старейшим филологом. Надо отметить, что он обладал очень редким тогда почётным званием "Заслуженный преподаватель Московского университета". И действительно был любимым всеми подлинным университетским преподавателем. Он соединял в себе нечасто встречающиеся в одном человеке качества. Прежде всего он был выдающимся педагогом, которому никогда не были безразличны развитие студента, его судьба, место в жизни.

Умевший стремительно и неожиданно реагировать на ситуации, он воспитывал примером, точным словом, колоссальным юмором. Однажды, войдя в лекционную аудиторию, Николай Иванович увидел студентку, так и не снявшую с головы вязаную шапку. И ещё не дойдя до кафедры лектора, бросил в зал с незабываемой изощренной иронией: "Когда дама не снимает шляпы и перчаток, это означает, что её визит продлится не более 15 минут, а наша лекция — полтора часа..." Неискушённая девушка, тихо двинув меня локтем, спросила: "О чём это он?" "Шапку сними!" — зашипела я...

Николай Иванович всегда внимательно всматривался в людей, искренне, глубоко интересовался ими, и можно уверенно сказать: любил людей, очень много отрицательного зная и понимая в человеческой природе. Ему нелегко было нести этот "двойной" груз. Думаю, привычка вникать в души и природную интуиция с годами давали такой эффект предчувствия на расстоянии. Что-то чуть загадочное было в этом свойстве. Ведь недаром в круг интересов Н.И. Либана входили медицина (в молодости он даже собирался стать врачом) и этнография — обычаи и образ жизни малых народов, проявления их глубоких ощущений природы и предчувствия грядущих событий, которых лишился современный человек. Либан был страстным путешественником и детально старался вникать в психологию, например, ойратов — народа Алтая. Все его наблюдения, меткие словечки для всех его учеников были драгоценны, врезались в память.

Каким-то непостижимым образом он сочетал в себе дар педагога, всегда находящегося в гуще событий, знатока мельчайших быстроекующих подробностей бытия, свою природную общительность — с любовью к глубокому одинокому чтению, размышлению, постоянному раздумыванию. Ведь благодаря этому качеству он стал уникальным и блестящим эрудитом, видным специалистом и в области древнерусской литературы, и в русской литературе XVIII века, и бесспорным знатоком русской литературы первой половины XIX века. Известный исследователь творчества Н.С. Лескова, Николай Иванович 50 лет читал спецкурсы по творчеству писателя. Благодаря его вдохновляющей идее было предпринято издание Полного собрания сочинений Н.С. Лескова в 30 томах. При жизни Либа-

на вышло 10 томов. Но ещё он читал изумительно редкий спецкурс о таких писателях второго и третьего плана, имён которых мы до него не слышали: Е.А. Салиас-де-Турнемир, Д.Л. Мордовцев, П.Д. Боборыкин. И говорил, что в их текстах можно обрести колоссальное количество исторических, бытовых, культурных деталей, которых нет у классиков, но которые помогают лучше почувствовать и время, и классиков. Или — он дерзновенно читал в этом же культурно-историческом ключе курс "Русский бульварный роман XVIII–XIX веков". Никто после Либана таких информативно захватывающих и редких курсов уже не читал. Николай Иванович создал и воплотил в МГУ 26 различных авторских спецкурсов. Доминантой творчества, предметом самых глубоких его размышлений были литература, история и культура России.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ родился и рос в Москве, в Неопалимовском переулке, впитал подлинную культуру московской интеллигенции: в детстве был воспитанником историка Сергея Владимировича

жизнь в подлинном понимании этого слова. Я убеждала, что нет интереса у студентов к предмету без интереса к самой личности лектора, если тот лишён обаяния, живости, красоты слога, юмора наконец. Но Николай Иванович, сам в избытке обладающий всеми перечисленными качествами, упрямо возражал: "Главное — это ум лектора, ничего другого в университете не нужно". И с годами понимается, что в самом серьёзном, высшем смысле он прав, через много лет после окончания университета остаются именно его мысли, живут своей жизнью, кристаллизуются в глубине сознания, "на жёстком диске", часто годами невосребованные, но вспоминаемые, но зреют сами по себе, дают плоды.

Либан свои идеи высказывал устно, как будто вне системы, в свёрнутой лаконичной форме, мол, подумайте и развивайте сами. С годами ценность того, что память схватила, только росла. Когда бывшие выпускники оглядывались в прошлое — взвешивали новыми весами то, что происходило в годы учения, значимость Либана как Учителя выходила на первый план. И именно потому, что

ПОКЛОН УЧИТЕЛЮ

*К 115-летию историка русской литературы
Николая Либана*

Бахрушина (кузена известного коллекционера). По окончании Педагогического института имени В.П. Потёмкина он учился в аспирантуре МИФЛИ, где наибольшее научное влияние на Либана имели Валериан Фёдорович Перевезев и Михаил Несторович Сперанский. Не только об этих своих учителях, но и обо всех, кто дал ему в жизни важные навыки и знания, он благодарно не забывал и сумел передать своё отношение к этим людям и нам. Замечательно, что Вера Львовна Харламова-Либан бережно разыскала, выстроила, издала все его рассказы о представителях российской старой интеллигенции — без этого они были бы забыты.

65 лет Либан работал в Московском университете. Его необычайный дар лектора, рассказчика и педагога, истинно христианская доброжелательность к людям, внимательное сочувствие к их проблемам и бедам, острая пронизательность, глубокий и вечно молодой ум, понимание жизни новых поколений, юмор и редкое обаяние всегда находили отклик и среди студентов, и среди коллег. Николай Иванович был счастливым человеком: им всегда восхищались, его дружба ценили люди разных поколений, его очень любили. Он и сам был любящим человеком. Истинное религиозное чувство он выказывал, подобно своему предку (по материнской линии) российскому святому XVIII века Иоасафу Белгородскому, в постоянных добрых делах, часто — в простой житейской помощи, что он умел делать тактично, легко и неизменно стараясь скрывать своё доброе участие, и это стало частью его натуры, его повседневной жизни. Московский университет гордится целой плеядой учеников, содружество которых может назваться школой Либана.

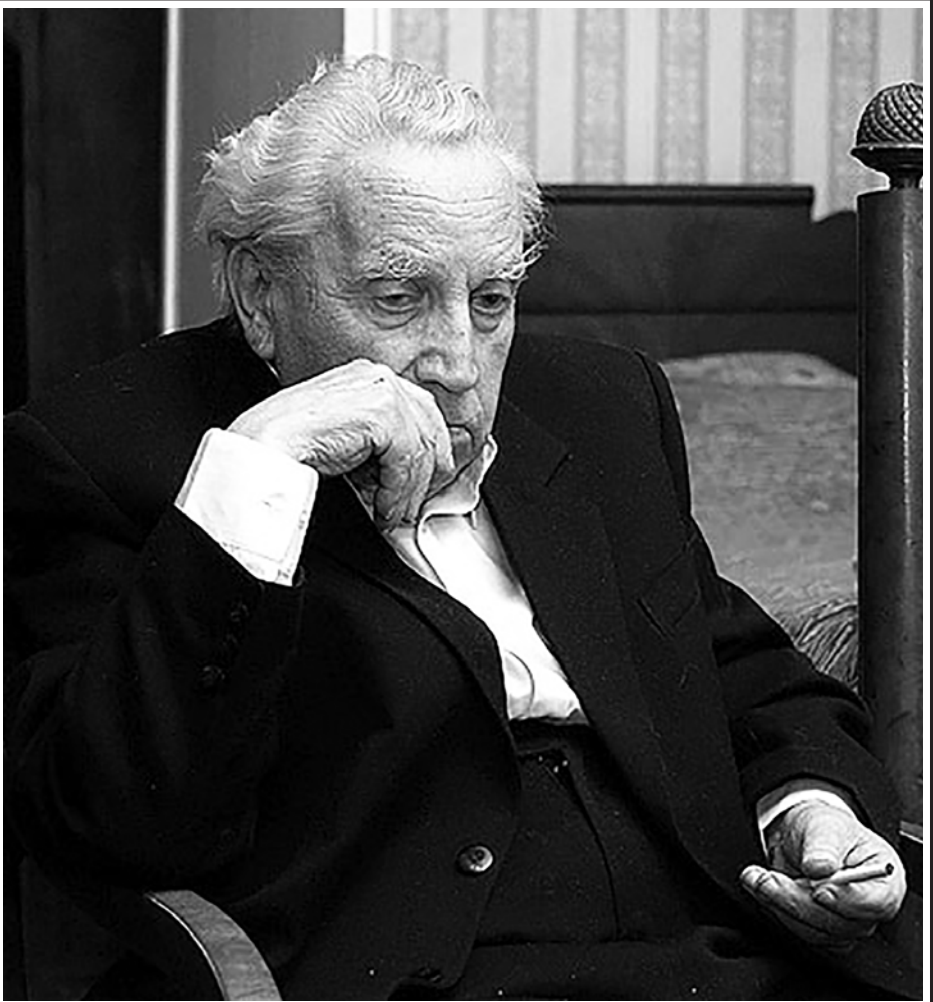
Когда-то мы поспорили с Николаем Ивановичем о том, какие качества делают лектора университета любимым, необходимым — учителем на всю

главным в его учительских наставлениях была мысль, глубоко выношенное соображение, идея. И потому закономерно, что с годами многие из выпускников филологического факультета — не только прямых учеников Либана — осознают, что тоже стали числить себя его учениками.

— А что для вас русская идея? Каждый понимает это по-разному... — спросила я его.

— В конечном счёте это выражение сущности нации, любви к Отечеству. — Какая же связь с культурно-литературным содержанием ваших книг? — Эта книга написана победителем. — Вы победитель?

— Да нет — Россия оказалась победителем в результате многих войн, которые она проигрывала. Ведь в результате тех проигранных войн проявились столько страданных качеств, обеспечивших Победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов, что я это связываю с общим состоянием исторического национального сознания, всей русской культуры, духа России (и это наиболее ясно отразилось именно в литературе). Книга написана с точки зрения и изнутри России. В этом-то всё и дело, что это нация героического сопротивления! Вся история России — это история сопротивления. Спротивлялись деспотизму, сопротивлялись бюрократизму, сопротивлялись несправедливости, и так приобретались и выкристаллизовывались ценности русской культуры, а литература первым делом это переживала и осмысливала. Оттого Россия — быть может, единственная страна в мире, которая не подлежит разгрому: вот её уничтожают, четвертую её часть гноят, символически выражаясь, в рудниках и темницах". Гноят лучшую часть России, боясь её возрождения. А нация сохранилась даже и тогда, когда огромная её часть была физически уничтожена в Великую Отечественную, в этом её особенность и особый

дух. Вот Пушкину-барину — у меня так и написано — удалось понять сущность этой западной народной натуры. Литература у нас — главная часть культуры, вся интеллектуальная жизнь страны ушла в этот рубеж, в этот канал, ушла, в сущности, по ошибке — именно потому, что в правящих кругах эта область считалась пустяковой, не стоящей внимания, серьёзно не влияющей на жизнь — скажками бабушки Матрёны", а сказки-то оказались опасными.

Николай Иванович прожил в сфере русской литературы такой долгий век "вчитывания", а потом "вдумывания", что всё-таки очень хотелось спросить, а для него самого как исследователя кто из литературных авторов наиболее любим и дорог? И он ответил как всегда по-своему, кратко и вёско: "Нет, так нельзя ставить вопрос". А потом развернул мысль: "Ну, великий-то, конечно, Толстой, тут никак не уйдёшь: он даёт бодрость, а есть гениальный-ужасный автор — Достоевский, который угнетает человеческое сознание. Не подумайте, что моё отношение к нему можно было бы обозначить словами "не люблю", я его рассматриваю как одну из составных частей национального духа России — дух отрицания. А вот Лескова именно в этот ряд не ставлю, да в своё время его не поставили сюда современники, и не потому, что был "анекдотистом", а потому что у него нет в душе величия" — то есть жертвенности, того, что при всех различиях есть и у Толстого, и у Достоевского. Бессспорно, я тут совсем не имею в виду личностных, человеческих качеств этих авторов, а только их тексты, художественный материал. Но, а всё-таки в том отношении, что я филолог, Лесков всегда был любимым автором, потому что у него слово на первом месте, он такой мастер слова, что ни Толстому, ни Достоевскому не удавалось находить подобное, он для меня самый большой художник слова в истории русской литературы, а в истории идейной литературы, бес-

спорно, первые художники Толстой и Достоевский. Кстати, "Война и мир" и "Братья Карамазовы" — это одна эпопея, второе произведение написано в ответ на первое, и тут одна глобальная проблема, в разных смыслах познаваемая и интерпретируемая, а именно: война и мир, причём в романе Толстого — идея мира, тогда как в "Братьях Карамазовых" — идея войны, в философском смысле слова...

Восприимчивость к культурным переживаниям прошлой эпохи — одна из ценнейших черт исследователя и встречается редко. Одна из важных сторон Либана — он любил жизнь и людей. Люди ему были интересны.

НАМ, УЧИВИМСЯ у Либана, немаловажен и такой аспект (быть может, многие назовут его чрезмерно личным, но вне личного нет гуманитарных знаний): в его книгах, как ранее в лекциях, слышится голос автора, его интонация, сквозит его индивидуальность, влияние которой явственно ощущает на себе целая вереница поколений филологов. Его тексты являют Николая Ивановича как блестящего эрудита, просветителя, рассказчика, переработку особенностей его неповторимой речи, которые идут из глубины московской среды, старой культуры московской жизни, через избранные образы и исторические анекдоты осознаются не только исторические и эстетические, но идеологические взгляды Либана, хотя нигде напрямую о них ничего не говорится. Всё это передаёт культурно-психологический портрет самого любимого лектора, о каких бы отдалённых от наших дней и пространств предметах он ни повествовал.

Екатерина ФЁДОРОВА,
профессор МГУ
имени М.В. Ломоносова,
доктор культурологии, к. ф. н.,
лауреат журнала "Берега"
лауреат Национальной премии
"Золотое перо Руси"

ИМЯ ФЛАМАНДЦА Иеронима Велленса де Кока, жившего и творившего в XVI столетии, хорошо известно лишь исследователям нидерландского искусства. Однако экспозиция, проходящая в Государственном музее изобразительных искусств имени А.С. Пушкина, даёт возможность узнать и о нём, и о его работах. Проект под вывеской "Не только Брейгель" — это действительно не только и не столько Питер Брейгель; здесь большая панорама фламандского искусства. Пушкинский музей не впервые обращается к старинной Фландрии: в конце 2024 года проходила пышная выставка "Франс Снейдерс и фламандский натюрморт XVII века". Сейчас — гравюры XVI века, издававшиеся крупными (по меркам эпохи!) тиражами.

Так вот, Иероним Велленс де Кок, а вовсе не Брейгель, тут первейшее лицо. Живописец, гравёр, мастер офорты, Кок был одним из многих, хотя сам Джорджо Вазари — этот родоначальник современного искусствоведения — называл фландрского мастера выдающимся пейзажистом. Однако прославился тот вовсе не своими картинами да офортами, но деловой хваткой. Вместе с женой, которая также обладала предпринимательским чутьём, Кок основал издательский дом "На четырёх ветрах".

«Триумф Давида». Гравюра Д. Корнхерта по рисунку Мартена ван Хемскерка.

Задача заключалась в том, чтобы делать гравюры по известным на тот момент произведениям и пускать их в продажу. Нидерланды XVI века — это активно развивавшийся регион, где уже началось выстраивание капиталистических отношений. Буржуазия поднималась и занимала все значительные места. Торговец теснил аристократа. Адвокатов принимали как дорогих гостей — решать хозяйственно-имущественные

споры сделалось насущной потребностью. Там и тут возникали банкирские семьи. Росло производство. В Нидерланды стекались финансы всей Европы, а потому города были перенасыщены менальными лавками — прообразами пунктов обмена валют. В годы существования издательства "На четырёх ветрах" страна пребывала под испанским владычеством, но и это не мешало раскрутке бизнес-проектов, таких как в том числе и задумка Иеронима Кока.

Серийный выпуск произведений — это признак буржуазного общества. Красоту — в каждый богатый дом, чтобы любой купец мог наслаждаться актуальным творчеством. Большинство гравюр фирмы Кока были созданы по мотивам

НАС ВСТРЕЧАЕТ портрет Иеронима Кока — гравюра Иоханнеса Вирикса по оригиналу Франса Гурбуса Старшего. Изображение сделано уже после смерти Кока — неслучайно герой держит в одной руке череп, а другой указывает на него. Этот портрет — дань памяти, благо издательство "На четырёх ветрах" продолжило работу и при вдове гравёра. Он изображён в богатых одеждах по испанской моде — с воротником-фрезой. Кок был богат и значителен — он, по сути, создал феномен "массового искусства". До него уже были попытки в Италии, но там всё разваливалось довольно быстро.

Понятно, что не стоит говорить о Иерониме Коке исключительно как о ловком предприни-

Мартена ван Хемскерка "Триумф Давида". Библейский персонаж, едущий верхом на льве, одет в фантазийные доспехи а-ля Цезарь, с короной на голове. Никто не рассуждал об исторических соответствиях, и не существовало даже приблизительного понимания, во что облачались ветхозаветные евреи. Примечательно, что гравёр Дирк Корнхерт был не только художником по металлу, но и общественным деятелем, нотариусом, литератором и философом-гуманителем. Типичное явление Ренессанса — человек-универсал. Таким же разносторонним был и Иероним Кок. Тогда все образованные люди стремились к расширению знаний и возможностей, поэтому "физика" и "лирика" оказывались вполне созвучны.

XVI век — эра географических открытий. Примечательно, что Кок сотрудничал не только с художниками, но и с картографами, например, с испанцем Диего Гутьерресом, автором карты Америки. Увы, на выставке нет гравированных карт, зато есть изображения кораблей и судов. Мореплавание становилось волшебной грёзой Европы — тут и новые земли, и заокеанские редкости да пряности, и романтика дальних странствий. Вот — гравюры Франса Хьюса, выполненные по рисункам Питера Брейгеля из серии "Морские суда". Эти сюжеты пользовались большим спросом, особенно у богатейших купцов, снаряжавших экспедиции. В те годы нидерландское судостроение только начиналось, а лучший флот был, разумеется, испанским.

Кока с Брейгелем связывали и бизнес, и творчество, и дружба. Гравёр-предприниматель заказывал художнику картины и рисунки, по которым затем создавались гравюры. Ряд фабул — в босховской манере. Например, фантазмагорическое диво под названием "Битва сундуков и копилки". Рисунок — Брейгеля, гравюра — Питера ван дер Хейдена. Сундуки и копилки — антропоморфны и закованы в латы. Смысл понятен: копилки собирают капиталы, а в сундуках копится добро, на которое было потрачено золото. Идёт война вещей и денег. Что победит — скряжничество или расточительство? Или будет золотая середина в виде перемирия?

Высоко ценились и дидактические произведения — допустим, брейгелевская "Зависть" из серии "Семь смертных грехов", отравленная Питером ван дер Хейденом. Некую даму искушают (или пытаются скушать?) чудовища, одновременно похожие на зверей и хищных рыб. На гравюре "Гордыня" из той же серии показана красавица в моднейшем платье, да ещё и с зеркалом.

"Гравированное творение мастера не уступает его живописному. Здесь и всюду та же умиленность перед натурой, понимание самых разнородных настроений, фантазия, доходящая до безумия, тонкий вкус и прелестная техника", — писал Александр Бенуа о брейгелевских гравюрах.

Экспозиция информативна, увлекательна и удивительна. Ренессанс раскрывается с неожиданной стороны — вдруг выясняется, что и тогда существовала массовая культура, тиражируемая издательством "На четырёх ветрах". Это и капиталистическая прибыль, и просвещение — люди смогли соприкоснуться с искусством. Сейчас поход в музей — это норма, а пятьсот лет назад подобных собраний попросту не было.

Галина ИВАНКИНА